

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.231

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-124-134>**Опыт аксиологической интерпретации объектов
уголовно-правовой охраны****Ф.В. Чирков¹ ✉**

¹Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, д. 149, г. Краснодар 350040, Российская Федерация

✉ e-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Резюме

Актуальность. Интерпретация в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей таких объектов уголовно-правовой охраны, как права и свободы человека, нормальный уклад половых отношений, интересы семьи и воспитания несовершеннолетних, позволяет выявить особенности их содержания, которые в настоящий момент либо недооцениваются, либо игнорируются, что создает предпосылки для уточнения и конкретизации системы мер их уголовно-правовой защиты.

Цель исследования – выявить такое ценностное содержание некоторых прав и свобод человека в качестве объектов уголовно-правовой охраны, которое способствовало бы раскрытию их гуманистического потенциала и установлению оптимального баланса личных и общественных интересов.

Методология. При написании работы использовались методы анализа и синтеза, общенаучные (философские, логические) приемы и инструментарий системного подхода.

Результаты. На основе предложенной С.А. Левицким концепции противопоставления отрицательной и положительной свободы, а также учения Русской православной церкви предлагается дополнить определение объекта преступлений как тех или иных прав и свобод: права на свободу слова и выражения мнений, свободу творчества, свободу союзов и собраний – указанием на содержательный компонент соответствующего права или свободы. В частности, свобода слова должна распространяться только на такую информацию, которая не причиняет вреда интересам личности, общества и государства, наполняет само понятие свободы слова позитивным содержанием. Если создается или распространяется информация, содержание которой не наносит вреда, то ее ограничение следует признавать нелегитимным; если же создается и распространяется деструктивная информация, то гарантии свободы слова на нее не распространяются ввиду отсутствия самой «положительной свободы» как защищенного блага.

Вывод. В контексте объектов уголовно-правовой охраны целесообразно обратить особое внимание на авторитет государства. Посягательство на авторитет государства как на ценность есть одновременно посягательство и на социально-психологическое благополучие населения страны, его ценностные ориентиры и на безопасность самого государства.

Ключевые слова: традиционные ценности; объект охраны; аксиология; свобода слова; интересы семьи; воспитание несовершеннолетних.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чирков Ф.В. Опыт аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 124–134. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-124-134>.

Поступила в редакцию 14.04.2025

Принята к публикации 30.04.2025

Опубликована 16.06.2025

Experience of axiological interpretation of objects of criminal-legal protection

Philip V. Chirkov¹ ✉

¹Kuban State University
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040, Russian Federation

✉e-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Abstract

Relevance. Interpretation in the context of traditional Russian spiritual and moral values of such objects of criminal-legal protection as human rights and freedoms, normal sexual relations, family interests and upbringing of minors allows us to identify the features of their content, which are currently either underestimated or ignored, which creates the prerequisites for clarifying and concretizing the system of measures for their criminal-legal protection.

The purpose of the study is to identify the value content of certain human rights and freedoms as objects of criminal law protection, which would contribute to the disclosure of their humanistic potential and the establishment of an optimal balance of personal and public interests.

Methodology. When writing the work, methods of analysis and synthesis, general scientific (philosophical, logical) techniques and tools of the systems approach were used.

Results. Based on the proposed by S.A. Levitsky proposes to supplement the concept of the opposition of negative and positive freedom, as well as the teachings of the Russian Orthodox Church, with a definition of the object of crimes as certain rights and freedoms - the right to freedom of speech and expression of opinions, freedom of creativity, freedom of association and assembly, etc., by indicating the substantive component of the corresponding right or freedom. In particular, freedom of speech should extend only to such information that does not harm the interests of the individual, society and the state, and fills the very concept of freedom of speech with positive content. If information is created or disseminated, the content of which does not cause harm, then its restriction should be recognized as illegitimate; if destructive information is created and disseminated, then the guarantees of freedom of speech do not extend to it due to the absence of the "positive freedom" itself as a protected benefit.

Conclusion. In the context of objects of criminal law protection, it is advisable to pay special attention to the authority of the state. An attack on the authority of the state as a value is simultaneously an attack on the socio-psychological well-being of the country's population, its value guidelines, and on the security of the state itself.

Keywords: money issuance; Bank of Russia; lending; bank account; banking risks; legal status of money; monetary system transformation.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chirkov P.V. Experience of axiological interpretation of objects of criminal-legal protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(3):124–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-124-134>.

Received 14.04.2025

Accepted 30.04.2025

Published 16.06.2025

***

Введение

Совершенствование российской уголовной политики и уголовного права в русле реализации основных направлений государственной политики защиты традиционных духовно-нравственных ценностей с необходимостью предполагает проведение серьезной работы по обновлению и уточнению аксиологического (ценностного) содержания объектов уголовно-правовой охраны.

Как правило, содержание прав и свобод человека определяется, следуя логике негативных обязательств государства, т. е. путем установления пределов возможностей государства по вмешательству в осуществление человеком его прав и свобод. Предполагается, что человек абсолютно свободен [1] и именно эта свобода признается охраняемой ценностью [2]. Но собственно содержание свободы (от чего или для чего человек является свободным) при таком подходе оста-

ется неопределенным. Обсуждению по преимуществу подлежит вопрос о том, насколько и в каких пределах оправдано ограничение этой свободы со стороны государства [3]. В итоге любая уголовно-правовая норма предстает перед нами не как предписание, защищающее содержательно конкретизированное, ценностно наполненное благо, а как предписание, защищающее неограниченную свободу человека от вмешательства государства [4], критерии правомерности которого остаются столь же содержательно неопределенными и формальными.

Методология

Развитие современной науки и практики требует изменения подходов к определению содержания правоохраняемых благ. Доктрина должна стремиться к установлению конкретного содержания того или иного права человека, поставленного под защиту уголовного закона. В решении этой задачи категория традиционных российских духовно-нравственных ценностей выполняет важную методологическую функцию. Общий посыл заключается в следующем: лишь то может считаться содержанием прав и свобод (а следовательно, и подлежать охране), что соответствует традиционным российским ценностям. Если та или иная возможность человеческого поведения идет вразрез с традиционными ценностями, она не может восприниматься в качестве компонента содержания прав и свобод, а следовательно, и не может претендовать на статус правоохраняемого блага. Критерии обоснованности государственного вмешательства в осуществление человеком его прав и свобод в данном случае дополняются важным содержательным компонентом: государство не только вводит ограничения на пределы реализации права, но и посредством таких ограничений утверждает соответствие содержания прав и свобод традиционным российским ценностям. Учитывая, что ценности в политико-правовом пространстве представлены не столько

как идеологический концепт, сколько как концепт безопасности, соответствие содержания прав и свобод человека традиционным ценностям становится залогом комфортного и неконфликтного сосуществования личности, общества и государства [5].

С этих методологических позиций представляется возможным исследовать ценностное содержание отдельных объектов уголовно-правовой охраны, в защите которых влияние традиционных ценностей оказывается наиболее значимым, способным качественно изменить сами параметры этой защиты.

Результаты и их обсуждение

Одним из ключевых объектов уголовно-правовой охраны, степень защищенности которого во многом выступает показателем уровня гуманитарного развития страны, выступают права и свободы человека. Они объявлены высшей ценностью в ст. 2 Конституции РФ, а Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отнесены к традиционным российским ценностям.

Интерпретация прав и свобод в качестве охраняемого традиционного блага требует в современных условиях особого подхода. Равно как недопустима изолированная трактовка конституционных прав человека в отрыве от иных положений Конституции [6], так и восприятие индивидуальных прав человека в качестве традиционных ценностей немислимо вне контекста иных ценностей, прежде всего нравственности, патриотизма и служения Отечеству. В силу этого представление о правах и свободе как о неограниченной, самодавлеющей и всеподчиняющей ценности нуждается в пересмотре.

Философской основой нового понимания прав и свобод может служить предложенная С.А. Левицким концепция

противопоставления отрицательной свободы (от чего-либо) и положительной свободы (для чего-либо). Отрицательная свобода, будучи доведенной до своего предела, – писал он, – «делает нас рабами собственного “я”, собственных иррациональных капризов; беспредельно понятая свобода приводит к идее “права на преступление” и к духовному или физическому убийству или самоубийству. Она есть “возможность всего”, есть произвол. Реализация такой свободы равносильна безумию. В отличие от нее положительная свобода есть осуществление человеком своих неповторимых возможностей, отягощенное ответственностью. Свобода становится подлинной свободой в добровольном самоограничении произвола, в служении сверхличным, идеальным ценностям» [7, с. 400, 415, 452, 501].

Аналогичное понимание прав и свобод демонстрирует и Русская православная церковь. Согласно ее учению, суть свободы – это возможность выбора, но «свобода выбора не есть абсолютная и конечная ценность. Свобода поставлена Богом на службу человеческому благу. А потому осуществляя ее, человек не должен причинять зла самому себе и окружающим»¹. Отсюда ставшее традиционным для нашей науки определение объекта преступлений как тех или иных прав и свобод: права на свободу слова и выражения мнений, свободу творчества, свободу союзов и собраний и т.д. – должно быть дополнено указанием на содержательный компонент соответствующего права или свободы.

Как видится, свобода слова как охраняемое благо в контексте системы конституционных и традиционных ценностей не есть свобода неограниченного распространения любой информации. Напротив, это свобода распространения лишь такой информации, которая ни со-

держательно, ни фактом ее распространения не причиняет вреда отдельным личностям или обществу и государству в целом. Отсюда основной подход к интерпретации объекта правовой охраны должен состоять не в легитимации применяемых государством мер, якобы направленных на ограничение свободы слова и мнений, а в обосновании отсутствия свободы слова как охраняемого блага в ситуациях, когда создание и распространение деструктивной информации не может оцениваться в принципе как проявление свободы слова.

Эти тонкие различия весьма отчетливо фиксируются в судебной практике. Так, в одном из апелляционных решений суд отклонил доводы жалобы лица, привлеченного к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ на то, что эта норма и ее применение нарушают его права на свободу выражения мнения и свободу слова. Суд отметил, что «в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ осуществление права на свободу выражения мнения может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности»². Здесь, как видим, акцент сделан на обоснование «вмешательства» государства в реализацию гражданином свободы слова, что формально возводит совершенное им деяние, связанное с распространением информации, дискредитирующей Вооруженные силы РФ, в ранг самой реализации свободы слова. Однако в другой си-

¹ Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Русская Православная Церковь: сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 09.03.2025).

² Решение Нижегородского областного суда от 18 октября 2023 г. по делу № 12-1246/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mYL4nD0TUqgT/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=20&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=свобода+слова&_=1720771446714&regular-judge=&snippet_pos=2840#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

туации суд поступил, на наш взгляд, более логично и правильно, когда не стал оценивать распространение негативной информации с точки зрения содержания свободы слова. Он указал: «...соблюдение прав граждан (авторов и владельцев информационных материалов) на свободу слова и распространения в сети Интернет информации не может являться основанием для нарушения интересов неопределенного круга лиц, которым распространением противоправных информационных материалов наносится вред»¹. Тем самым распространение деструктивного контента выведено в принципе за границы свободы слова. Аналогичный подход демонстрируют и иные суды².

¹ Решение Ленинского районного суда г. Санкт-Петербург от 29 марта 2021 г. по делу № 2А-941/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DhbdXqhKQQNh/?regular-txt=свобода+слова&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+прав+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1720766831894&snippet_pos=2392#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

² Решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 15 марта 2017 г. по делу № 2-914/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/abu3RxJn9KgC/?regular-txt=свобода+слова&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+права+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1720766831894&snippet_pos=1454#snippet (дата обращения: 12.07.2024); Решение Кировского районного суда г. Иркутска от 16 января 2019 г. по делу № 2А-135/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7EbISH0g1Mxp/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+148.+Нарушение+права+на+свободу+совести+и+вероисповеданий%28УК+РФ%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=свобода+слова&_id=1720769582672&regular-judge=&snippet_pos=254#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

Признание правовым благом свободы распространения только такой информации, которая не причиняет вреда интересам личности, общества и государства, наполняет само понятие свободы слова позитивным содержанием. Если создается или распространяется информация, содержание которой не наносит вреда, то ее ограничение следует признавать нелегитимным; если же создается и распространяется деструктивная информация, то гарантии свободы слова на нее не распространяются ввиду отсутствия самой «положительной свободы» как защищенного блага. Защищенной же является, строго говоря, информация, которая не противоречит традиционным духовно-нравственным российским ценностям – семейным, патриотическим и т.п. Как верно отмечают некоторые авторы: «...меньшинства, ломающие стереотипы общественного поведения, морали, уклада жизни и так далее, должны стать более толерантными к образу жизни большинства и, несмотря на свое отвержение традиций, должны уважать право сограждан на сохранение традиционных ценностей, право на воспитание детей в привычной традиции, право на признание своего высокого личного достоинства как граждан, придерживающихся традиционных нравственных норм» [8, с. 32].

Представленное видение содержания свободы слова в полной мере может быть экстраполировано и на трактовку иных прав и свобод граждан – свободу собраний, союзов, публичных выступлений и т.д.

Еще один объект уголовно-правовой охраны, содержание которого находится под мощным аксиологическим влиянием традиционных ценностей, – это половая свобода и неприкосновенность личности. В современной литературе некоторые ав-

исповеданий%28УК+РФ%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=свобода+слова&_id=1720769582672&regular-judge=&snippet_pos=254#snippet (дата обращения: 09.03.2025).

торы¹ последовательно критикуют ранее распространенное понимание объекта таких преступлений как уклада половых отношений, поскольку оно «принижает абсолютную ценность человека как биологического существа, превращая его только в носителя общественных отношений»².

Такой личностно-ориентированный подход к установлению содержания объекта половых преступлений широко распространен в литературе. Между тем, на наш взгляд, в его основе – все то же «отрицательное» понимание свободы, о котором шла речь выше. Отрицательно понимаемая половая свобода есть, по сути, половая распущенность и вседозволенность. Едва ли можно говорить о том, что такая свобода может претендовать на статус охраняемого блага. Сексуальное поведение людей в обществе, как и любое иное поведение, есть социальный конструкт, проявление не биологической, но социальной природы человека. Именно поэтому отрицательно понимаемая сексуальная свобода – как свобода от любого социального контроля над сексуальной сферой жизнедеятельности – не может быть признана охраняемым благом.

Общество признает, поддерживает и защищает те формы сексуального поведения, которые согласуются с коллективными представлениями о должном и возможном, дозволенном и запрещенном, иными словами, с коллективными ценностями и традициями, обеспечивающими выживание самого общества, его развитие и процветание. Включение сексуальности в социальный контекст с необходимостью предполагает, что объект

охраны уголовного права как публичной правовой отрасли может представлять собой только социально приемлемые и одобряемые формы сексуального поведения. Под охрану ставится именно «нормальный уклад половых отношений и полового развития»³.

В этой связи Н.В. Тыдыкова отмечает, что «важными компонентами полового уклада, нарушение которых влечет общественно опасные последствия, являются половая свобода, половая неприкосновенность личности и нормальное нравственное и половое развитие несовершеннолетних» [9, с. 16]. Однако содержательную сторону полового уклада автор не определяет, что, действительно, сделать довольно сложно.

В отечественной правовой науке середины прошлого столетия уклад половых отношений понимался как «сложившийся порядок полового общения между членами общества, основанный на добровольных началах, осуществляемый путем естественного удовлетворения половой потребности между представителями двух полов, которые по своим возрастным и психическим качествам осознают значение и последствия такого общения»⁴.

Следует признать, что в наши дни общество стало более терпимо относиться к внебрачным сексуальным отношениям, в некоторой части оно стало более терпимым и к однополым сексуальным контактам. Вместе с тем полагаем, что надо проводить тонкие различия между терпимыми в обществе и одобряемыми обществом правилами половой морали. Так, например, хотя принципы уважения свободы личности и невмешательства в частную жизнь обуславливают терпимость к однополым сексуальным контактам, едва ли можно говорить о том, что российское общество их поддерживает

¹ Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 58–61.

² Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 16.

³ Даниэльбек Б.В. Половые извращения и уголовная ответственность: учеб. пособие. Волгоград: Высш. следств. школа МВД СССР, 1972. С. 26.

⁴ Там же. С. 28.

или тем более поощряет. Специальные исследования показывают, что даже среди молодежи (традиционно наиболее свободной и либеральной части населения) отношение к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией подавляюще негативное или настороженное¹. В целом социологические опросы свидетельствуют, что большинство россиян выражают негативное отношение к гомосексуалистам и лесбиянкам, причем уровень отрицания растет.

Можно констатировать, что нормальный, традиционный уклад половых отношений в российском обществе не включает ценностного признания однополых отношений, и это обстоятельство существенным образом корректирует устоявшиеся представления как об объекте уголовно-правовой охраны, так и о спектре угроз, представляющих для него опасность. Если, следуя началам равенства граждан, государство не может устанавливать уголовную ответственность за добровольные гомосексуальные отношения, то охранять общество от любых попыток изменения традиционного уклада половых отношений вполне способно и обязано.

Следующий объект уголовно-правовой охраны, содержание которого закономерно трансформируется и уточняется в процессе его аксиологической интерпретации – интересы семьи и несовершеннолетних. Ставшее привычным для отечественной науки определение объекта преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, как интересов семьи и несовершеннолетних, является, со всей очевидностью, безликим и бессодержательным, ибо не дает ответа на вопрос о том, какие именно интересы подлежат охране и, соответственно, почему эта охрана устанавливается.

В некоторых источниках попытка определить содержание таких интересов

осуществляется, на наш взгляд, исходя из сугубо формальных критериев. Отмечается, что только то одобряемое традиционными ценностями правило поведения может считаться традиционной ценностью, которое охраняется государством и правом. Например, «многоженство, в определенных случаях и обстоятельствах допускаемое исламом, не признается государством, а потому и традиционной ценностью по этой причине не является» [10, с. 48].

Думается, что в таких рассуждениях есть некоторый логический порок. Конечно, все, что защищено правом, является ценностью как таковой. Однако в рассуждениях о традиционных ценностях нельзя считать, что ее маркером или конститутивным признаком является правовая защищенность. Традиционные ценности обладают таким статусом вне зависимости от того, защищены или не защищены они правом [11]. Другое дело, что далеко не все традиционные ценности должны правом защищаться.

Это методологическое замечание приобретает особое значение, когда речь идет о выборе объектов уголовно-правовой охраны. Специалисты как раз должны для начала установить содержание традиционных семейных ценностей, а затем, с учетом известных уголовно-политических факторов, решить, необходимо ли ту или иную семейную ценность ставить под защиту уголовного закона.

Семья является исконной традиционной ценностью. Репрезентативные опросы ВЦИОМ это убедительно доказывают. Большая часть россиян убеждены – важно сохранять традиционные семейные ценности, культуру материнства и отцовства, поддерживать многодетность (77%)². Для большинства опрошенных граждан создание семьи – это не просто важнейшая ценность, а жизненная цель (87%). При этом в представлениях

¹ Панкратова Л.С. Формирование сексуальной культуры молодежи в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2015. С. 108.

² Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ: сайт. 2023. 28 дек. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 09.03.2025).

россиян традиционная семья неподвластна времени – она всегда была, есть и будет нужна человеку, потому что в ней легче выжить (85%)¹.

Признание семьи ценностью, тем не менее, не предвещает вопроса о том, какие именно семейные ценности разделяют наши граждане и какие из них должны охраняться законом. Перевод семейных ценностей на язык права – крайне сложная задача.

В юридической литературе встречаются попытки определить правовое содержание семейных ценностей. Удачный подход предложен А.Е. Дранович. Она пишет: «Под семейными ценностями как объектами уголовно-правовой охраны необходимо понимать наиболее значимые интересы семьи, права ее членов, прежде всего, несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних лиц, касающиеся обеспечения материальных и нравственных условий для нормального физического, нравственного, психического и интеллектуального развития и условий формирования личности несовершеннолетних лиц, рождения и воспитания детей, удовлетворения индивидуальной потребности в отцовстве или материнстве, контактах с детьми, а также организации деятельности по материально-финансовому обеспечению семьи, благополучия ее членов» [12, с. 245–246].

Представляется, что семья, будучи многовековой ценностью российских граждан, должна, прежде всего, защищаться как таковая. В этом отношении надо поддержать А.А. Елисееву, которая указывает, что «необходимо в современном законодательстве культивировать многовековой, общепринятый, традиционный для России подход к пониманию содержания терминов “семья” и “семейные ценности”» [13, с. 73]. В самом общем и исходном представлении семья есть союз людей, основанный на браке

или вытекающий из брачных отношений. Брак – первооснова семьи. В этом отношении первостепенную значимость приобретают конституционные положения (ст. 72 Конституции РФ) о государственной защите института брака как союза мужчины и женщины, что выводит за рамки государственной защиты потенциально возможные формы однополых союзов.

Далее, традиционное предназначение семьи – рождение и воспитание детей, причем семья есть приоритетная форма их воспитания. Учитывая это, государство обязано ставить под защиту как сам феномен деторождения, так и воспитание детей. Прежде всего оно обязано защитить общество от деструктивных течений и практик, связанных с отказом от деторождения. Речь, разумеется, не идет о принуждении к деторождению или установлению каких-либо санкций за отказ от деторождения. Речь идет о защите общества от распространения, навязывания и утверждения нетрадиционных взглядов на приоритетность деторождения. Что касается воспитания, то здесь также есть пространство для уточнения государственной охраны. Не случайно само понятие воспитания, во-первых, получило законодательное определение в законе «Об образовании»², а во-вторых, претерпело существенные содержательные изменения. Наполнив понятие воспитания конкретным содержанием, определив «воспитательный идеал», государство имеет все основания к тому, чтобы именно этот идеал стал объектом правовой (и уголовно-правовой) охраны. Как следствие – возникают потенциальные возможности для постановки вопроса об ответственности лиц, обязанных осуществлять воспитательную деятельность (в том числе и родителей), за осуществ-

¹ Семья как ценность // ВЦИОМ: сайт. 2024. 24 янв. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 09.03.2025).

² Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 09.03.2025).

ление воспитательных мероприятий, идущих вразрез с традиционными ценностями.

В завершение обратимся к вопросам аксиологической интерпретации еще одного значимого объекта уголовно-правовой охраны – авторитета государства. В уголовно-правовой науке понятие авторитета традиционно связывается с положением и статусом органов государственной (шире – публичной) власти. При этом авторитет ассоциируется как с объектом и последствиями должностных преступлений (в этом случае авторитет органов власти подрывается «изнутри» работниками властного аппарата) [14], так и с объектом и последствиями преступлений против порядка управления (в этом случае авторитет государственного аппарата расшатывается «извне», не вовлеченными в его работу лицами) [15, с. 68]. В судебной практике, как правило, также речь идет об авторитете государственной власти или органов государственной власти как объекте должностных преступлений¹, причем даже в тех случаях, когда используется термин «авторитет государства», подразумевается авторитет именно власти или ее органов².

Не оспаривая такого подхода по существу, обратим внимание, что в современных условиях продвижения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей он выглядит несколько ограниченным. Связывая понятие авторитета исключительно с аппаратом публичной власти, он в известной степени нивелирует ценность авторитета государства как такового.

Государство, которое в России всегда представляло особую культурно-цивилизационную ценность, пользуется авторитетом, причем вне зависимости от того, как ведут себя представители госу-

дарственного аппарата. Специальные репрезентативные опросы показывают, что, по мнению значительной части граждан (42%), Россия является одной из великих держав мира, по мнению еще 28%, она, скорее всего, станет таковой в ближайшие 15–20 лет³. Это, среди прочих факторов, обуславливает высокий уровень патриотических настроений в стране. По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, сегодня уровень патриотизма в российском обществе высок как никогда. Патриотами себя считают 94% наших сограждан, в том числе безусловными патриотами – 62%⁴. Подавляющее большинство россиян гордятся Россией, ее историей и культурой (92%)⁵.

Такие настроения и эмоции отражают высокий и безусловный авторитет государства как такового, не отдельных его органов и должностных лиц, а именно государства как социального и политического института, объединяющего народы России на протяжении ее тысячелетней истории. Они же не позволяют согласиться с критической оценкой государственного авторитета как препятствия на пути демократии [16].

Этот авторитет обладает несомненным ценностным значением и заслуживает того, чтобы быть воспринятым в контексте объектов уголовно-правовой охраны.

Выводы

Посягательство на авторитет государства как на ценность есть одновре-

¹ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. по делу № 64-О12-3; от 10 апреля 2013 г. по делу № 84-Д-13-5

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. по делу № 67-О06-84.

³ Международное влияние России // ВЦИОМ: сайт. 2021. 20 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhdunarodnoe-vlijanie-rossii> (дата обращения: 09.03.2025).

⁴ О современном российском патриотизме // ВЦИОМ: сайт. 2024. 23 февр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 09.03.2025).

⁵ О национальной гордости великороссов // ВЦИОМ: сайт. 2024. 31 янв. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov> (дата обращения: 09.03.2025).

менно посягательство и на социально-психологическое благополучие населения страны, его ценностные ориентиры и на безопасность самого государства. Представляется, что этот объект, будучи защищенным лишь нормами о должностных и управленческих преступлениях, сегодня явно недооценен, а его исследование создает значительные резервы для совершенствования уголовного закона.

Представленный опыт аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны, разумеется, охватывает

не все из них. Однако он, на наш взгляд, убедительно свидетельствует, что именно применение методологии аксиологического анализа к познанию объектов охраны позволяет конкретизировать содержание защищаемого блага, и уже на этой основе вести рассуждения о социальной обусловленности, эффективности и достаточности имеющихся уголовно-правовых средств для обеспечения безопасности наиболее значимых социальных ценностей.

Список литературы

1. Подмарев А.А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 69–75.
2. Шамаева В.В. Человек как носитель абсолютной свободы в философии Ж.-П. Сартра // О вечном и преходящем: сборник научных статей. Вып. 12 / отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: Баш. гос. ун-т, 2021. С. 153–156.
3. Смирнов А.М. Уголовно-правовые ограничения реализации свободы слова в России // Закон и право. 2019. № 6. С. 100–102.
4. Мун С.А. Ограничение конституционных прав граждан в условиях пандемии (Ковид-19) // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 26. С. 804–812.
5. Чирков Ф.В. Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 183–193.
6. Чирков Ф.В. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 7 (212). С. 58–69.
7. Левицкий С.А. Трагедия свободы. Избранные произведения. М.: Астрель, 2008. 990 с.
8. Овчаренко Д.Л. Свобода слова в контексте ценностей православной культуры: социально-философский аспект // Философия права. 2014. № 4. С. 29–33.
9. Тыдыкова Н.В. Половые преступления: закон, теория, практика. М.: Юрлитинформ, 2023. 320 с.
10. Михайлова Е.В., Бутрим И.И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52.
11. Серебрякова А.А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 155–160.
12. Дранович А.Е. Понятие и значение семейных ценностей как объекта уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2023. № 13 (460). С. 245–246.
13. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 67–74.
14. Кашкаров А.А. Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 46–49.
15. Рябченко О.Н. Преступления против порядка управления: история, теория, компаративистика. М.: Зерцало-М, 2016. 251 с.
16. Дорожкин Ю.Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. 2016. Т. 24, № 8. С. 14–18.

References

1. Podmarev A.A. Unlimited (absolute) rights and freedoms of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation of 1993 and international acts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2019;(4);69-75. (In Russ.)
2. Shamaeva V.V. Man as a bearer of absolute freedom in the philosophy of J.-P. Sartre. In: Lukmanova R.Kh. (ed.) *O vechnom i prekhodyashchem: sbornik nauchnykh statei = On the eternal and the transient: collection of scientific articles*. Is. 12. Ufa: Bash. gos. un-t; 2021. P. 153-156. (In Russ.)
3. Smirnov A.M. Criminal-legal restrictions on the implementation of freedom of speech in Russia. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2019;(6);100-102. (In Russ.)
4. Moon S.A. Restriction of constitutional rights of citizens in the context of a pandemic (Covid-19). *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2021;(26);804-812. (In Russ.)
5. Chirkov F.V. Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025;(1);183-193. (In Russ.)
6. Chirkov F.V. Constitutional principles of criminal-legal protection of spiritual and moral values. *Lex Russica*. 2024;77(7):58-69. (In Russ.)
7. Levitsky S.A. The tragedy of freedom. Selected works. Moscow: Astrel; 2008. 990 p. (In Russ.)
8. Ovcharenko D.L. Freedom of speech in the context of the values of orthodox culture: social and philosophical aspect. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2014;(4):29-33. (In Russ.)
9. Tydykova N.V. Sexual crimes: Law, theory, practice. Moscow: Yurlitinform; 2023. 320 p. (In Russ.)
10. Mikhailova E.V., Butrim I.I. Theoretical and legal approaches to defining the methods and procedural forms of protecting traditional values in the Russian state. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2023;(9):44-52. (In Russ.)
11. Serebryakova A.A. Family values as part of traditional Russian spiritual and moral values. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):155-160. (In Russ.)
12. Dranovich A.E. The concept and significance of family values as an object of criminal law protection. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(13):245-246. (In Russ.)
13. Eliseeva A.A. Family and family values: approaches to understanding in the context of modern law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(3):67-74. (In Russ.)
14. Kashkarov A.A. Authority of a public authority as a system-forming feature of official crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2017;(1):46-49. (In Russ.)
15. Ryabchenko O.N. Crimes against management order: history, theory, comparative studies. Moscow: Zertsalo-M; 2016. 251 p. (In Russ.)
16. Dorozhkin Yu.N. The political system of modern Russia: democracy or authoritarianism? *Vlast' = Power*. 2016;24(8):14-18. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, докторант кафедры уголовного права и криминологии, заслуженный юрист Кубани, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: Fil-chirkov@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-1229-0741

Philip V. Chirkov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science, Doctoral Candidate of the Department of Criminal Law and Criminology, Honored Lawyer of Kuban, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: Fil-chirkov@mail.ru,
ORCID: 0009-0001-1229-0741